

С определенной точки зрения художественное творчество всегда и мифотворчительно. Но не надо забывать, что любой миф одновременно — и мистификация и демистификация. Ведь в истории человечества новые мифологии порождались лишь для свержения старых¹. Как предчувствие правды любой миф² или утверждает или отрицает. Какого бы прогресса ни достигло человечество в усовершенствовании своих орудий научного предвидения, сила их всегда будет ограниченной. Более того — поскольку расширяются во все стороны — в самом себе и вне себя — возможности человека научно подчинять объективную действительность, постольку открываются и новые обширные пространства, которые он этим путем *еще* не может покорить. Но, никогда не удовлетворенный достижениями своего гения, человек протягивает в эти ледяные и мрачные бездны, вторую антенну своего творческого духа, вооруженную волшебным фонарем художественного откровения. С помощью инфракрасных лучей интуиции искусство передает нам оттуда все то, что недоступно невооруженному глазу. Представления полученные этим путем, не могут не быть фантастическими и, с определенной точки зрения, — невероятными. Но, одни из созданных таким образом картин способствуют демифизации легенд, устрашающих человека и прометеически утверждают лишь мифическую веру в его способность постепенно разгадать все тайны, встречающиеся на пути его восхождения; другие, наоборот, выявляют стремление демифизировать эту веру, заменяя ее новыми апокалиптическими мифами призывающими человека презрению простираться ниц — как некогда его предки, уstraшенные блеском молнии, — перед вечными, неразрешимыми загадками. Произведения, принадлежащие к первой категории, мы будем называть реалистическими, а относящиеся ко второй — нет.

¹ В связи с этой диалектикой исчезновения и возникновения мифов, много интересного нам было подсказано работой Ролана Барта, *Мифологии* (*Mythologies*, Париж, 1957): «Форма не перечеркивает смысл мифа, а лишь отдаляет его, как бы оставляет его в резерве. Создается впечатление, что смысл умер, но это кажущаяся смерть. Смысл теряет свою значимость, но сохраняет жизнь, которой потом питается новая форма мифа. Смысл является для форм своеобразным историческим резервуаром, накопленным богатством, которое может быть приближено или удалено по усмотрению» (стр. 225).

² В романтическую эпоху Новалис считал мифы формой, помогающей человеку «фиксировать свое место в мире». Представления предков о природе, будучи «непосредственным отражением того состояния, в котором находилась тогда земная природа», послужили своеобразным толчком к процессу познания дошедшего позже до раскрытия «основного уравнения Вселенной, т. е. ее отношения ко всему, что ее населяет» (см. Г. Гю с д о р ф, *Mythe et metaphisique*, Париж, 1953, стр. 22).